

РУССКИЙ

Роман*

Глава первая

Сергей Александрович Молошников, для приятелей Серж, тридцати двух лет отроду, темно-русый, с узкой переносицей слегка вздернутого носа и золотистыми бровями, работал арт-директором на популярном телеканале и обладал достатком, позволявшим жить одному в прекрасной квартире на Страстном Бульваре и ездить на темно-зеленом «шевроле». У него была очаровательная подруга Нинон, или попросту Нина, работавшая дизайнером в цветочном салоне и создававшая из цветов, вечнозеленых стеблей и листьев чудесные экибаны.

Сейчас он ехал по заснеженной январской Москве на телестудию, где предстояла премьера нового телешоу «Планетарий». Глаза ловили лакированные вспышки автомобилей, розовое морозное небо с кристаллическими фасадами, рекламами, дорожными знаками и высокой, как легкая сеть, стаей пролетных галок.

Среди перламутровых звуков и поющих спектров он вдруг уловил тончайшую черную струйку, едва различимый звук, похожий на свист. Так блестит на разноцветных камнях глянцевиная черная змейка, так повсвистывает среди радостных звуков ее ядовитое жало.

Серж не видел места, откуда исходила темная нить, только чувствовал ее натяжение, пульсацию, совпадавшую с ритмами его сердца. Звук, который она рождала, напоминал звон невидимой осы, которая могла укусить. Но этот звук не отталкивал, а болезненно притягивал, управлял поворотами руля, вел его автомобиль, казалось, вопреки его воле.

Он свернул с проспекта и оказался в черном от кипящей толпы пространстве, в тесном скоплении автомобилей, запрудивших проезд. Отсюда, из этого черного клубка, магнитной силовой линией и исходила загадочная нить, вовлекая его в людское месиво.

Серж поставил машину и вышел. Толкаемый со всех сторон тюками и кошелками, окруженный азиатскими лицами и косноязычной речью, он пробрался сквозь сгустки людей и очутился перед стрельчатой деревянной аркой, на которой буквами, стилизованными под арабскую вязь, было начертано: «Райский рынок». Рядом красовалась вывеска с веселым торговцем в чалме, который предлагал покупателям перламутровый женский бюстгальтер.

Рынок был похож на табор из шатров, балаганов, дощатых навесов, пестрых расцвеченных тканей, клубился, галдел, голосил. Тянулись ряды, прилавки, заваленные товаром лотки. Убегали в сторону закоулки. Морозный ветер раскачивал на веревках кофточки, блузки, мужские пиджаки, женские платья. Висели дубленки, коричневые, черные, золотистые, ветер дергал лисий и куний мех. Шубы, тулупы, зимние шапки всех фасонов и форм. Приплясывали от ветра женские сапожки, мужские туфли, детские башмачки, бесчисленные, нанизанные на одну бесконечную нить, на всякий размер и вкус. Продавщицы, укутанные в платки, с красными, как яблоки, щеками, дышали паром, зазывали покупателей, зыркали голубыми глазами. Рядом с ними появлялись синие от холода кавказские мужчины в нахлобученных шапках, и тогда продавщицы начинали громче зазывать прохожих, теребили напоказ край дубленки, демонстрируя качество выделки, или размахивали перед глазами покупательниц кожаной дамской сумочкой. А кавказцы, добившись оживления торговли, удалялись вглубь балагана, где краснела накаленная электрическая спираль, замерзшие горцы грели руки, пили дымящийся чай, оставляя своих русских краснощеких подруг торговаться, считать деньги, с помощью деревянных рукояток снимать с веревок блузку или дамский пеньюар, прозрачный, как крыло стрекозы.

Серж двигался, погружаясь в толкучку, снова выбираясь на свободное место, увлекаемый вглубь рынка упрямой невидимой силой, словно по нему наносили удары, менявшие его траекторию, и он бильярдным шаром катился туда, куда его направляли толчки.

Теперь вместо кавказских лиц отовсюду выглядывали китайцы. Одинаково смуглые, в собачьих ушанках, с ласковыми косыми глазами, широкими улыбками, открывавшими кривые крепкие зубы. Здесь висели махровые полотенца с грудастыми красавицами, зубатыми драконами и химически-красными розами.

* Журнальный вариант.

Пестрели плюшевые медведи, верблюды, обезьяны, перед которыми замирали мамы с детками, желавшими сразу все — и рыжую хвостатую пони, и шелковистого кудрявого пуделя, и веселую макаку с шерстяным хвостом. Из балаганов с игрушками тянуло сладким дымком, запахом вкусной еды. Китайцы подкладывали в железные печурки мелкие щепочки, грели жестяное блюдо с лапшой и мясом, хватали еду деревянными палочками.

Но вот он снова оказался на морозе под розовым московским небом. Рынка не было, черная земля уходила вниз, образуя провал, который ввинчивался в глубину огромным туманным карьером. Вдоль стен карьера, сжимаясь книзу, кружилась спираль дороги, по ней вверх и вниз двигались люди, — катили тачки, толкали вагонетки. Слышался неумолчный гул, скрежет, подземные глухие удары. Шло строительство. Казалось, строится Вавилонская башня, опрокинутая в центр земли, и людская гордыня стремится в сердцевину планеты, стараясь достичь расплавленного ядра.

Серж приблизившись к краю, уже был готов упасть в бездну, стать добычей чудовищного моллюска, который переварит его, сжует, превратит в зловонный выхлоп. Но сзади раздался голос:

— Холосый каспадин заблудил, потелял долога.

Серж оглянулся и увидел китайца. Тот был голым по пояс и обмотан по бедрам тугой малиновой тканью. На голове топорщился стальной седеющий бобрик. Шевелились кошачьи усики. Грудь, натертая маслянистой мазью, отливала рельефными мышцами. Запястье охватывал серебряный браслет, кулак сжимал двухременную плетку с красной деревянной рукоятью. Кривые голые ноги были обуты в кроссовки, китаец был похож на дрессировщика в цирке или на банщика, предлагавшего услуги восточной бани.

— Холосая каспадина будем больно делать, — китаец открыл в улыбке кривые крепкие зубы, взмахнул плеткой, собираясь ударить. Серж отшатнулся, вскрикнул, ноги его скользнули, и он полетел в черное отверстие.

Очнулся Серж перед стрельчатой аркой с надписью «Райский рынок». Он вернулся в машину и сидел, устало улыбаясь, вспоминая свое наркотическое видение, стараясь извлечь из него музыкальные и пластические образы, которые лягут в основу его новой цветовой и пространственной композиции. Подумал о своей Нинон, с которой вечером собирался пойти на каток. Достал телефон и отправил ей сообщение: «Чем занята? Какими букетами и цветами? Не забыла коньки? Привиделся китаец. К чему бы это? Очень тебя люблю».

Через несколько минут в его кулаке телефон дрогнул, как оживший птенец. Уронил две капли нежного звука. Улыбаясь, он прочитал ответ: «Коньки не забыла. Китаец к хорошей погоде. Делаю композицию из красных роз и белых гвоздик “Очарование”. Ты моя любимая роза».

Серж поцеловал телефон, удобнее устроился на сидении и щелкнул зажиганием.

Глава вторая

Телешоу «Планетарий» проходило в студии, задуманной Сержем Молошиковым как космическое пространство, где зажигались и гасли светила, пробегали трепетные вихри космических излучений, носились разноцветные сгустки энергий. Гости телешоу размещались в креслах, напоминавших сидения звездолетов, и их беседа казалась диспутом мудрецов, прилетевших из разных уголков Вселенной. Студия была полна осветительных приборов, телекамер, акустических установок, лазерных излучателей.

Программа посвящалась межрелигиозным отношениям, на нее были приглашены модный театральный режиссер Самуил Яковлевич Полончик, священник православной церкви отец Иннокентий, муфтий Хаснутдин и раввин Исаак Карулевич. Присутствовал префект округа Игорь Федорович Нательный и ведущий программы Семен Каратаев.

Каратаев в красном одеянии перемещался по студии скачками, словно летал в пустоте, истерические жесты делали его похожим на демона. Теперь он устремился к режиссеру Самуилу Полончику, указуя перстом, с этого перста сорвался конус света, окружил режиссера прозрачной плазмой, и тот, словно грешник, пламенел в этом адском огне.

— Ведь это вы, Самуил Яковлевич, поставили скандальный спектакль «Богоносец», где рассказываете о пророке наших дней, возвестившем рождение новой религии? Эта религия отрицает христианство, иудаизм и ислам, раздирающие человечество на части. Новый Бог Люден собирает воедино разрозненное человечество, прекращает вражду, устанавливает счастливое царство. Но ведь это ересь и сатанизм. Вы не боитесь, Самуил Яковлевич, что вас отлучат от церкви, как Льва Толстого?

Режиссер был маленьким человечком с огромной головой и крючковатым клювом. Он напоминал надменную птицу, хлопающую круглыми рожими глазами.

— Мне лестно сравнение со Львом Толстым, — захохлившись, ответил Полончик. — Кто помнит иерарха, отлучившего гения? А Толстой по-прежнему кумир для всего человечества.

— Современное человечество переросло средневековые представления, и у него есть только один бог — гуманизм, — продолжил Полончик. — Этот бог объединяет человечество в единую мировую семью. У этого бога есть жрецы — Эйнштейн, Планк, Капица. И образ этого бога — не человек с измученным бородатым лицом, а скорость света.

Ведущий Каратаев взвился, напоминая едкий клочок огня, повернулся на каблуке и направил остроконечный палец в сторону православного священника. Из пальца ударили лучи, поместив отца Иннокентия в аметистовое сияние. Окруженный лепестками дивного света, священник парил, златобородый, с золотым крестом на черном облачении, который драгоценно переливался и трепетал.

— Отец Иннокентий, быть может, прав Самуил Яковлевич, и настала пора церквям и вероучениям объединиться и не подвергать человечество риску быть уничтоженным в результате религиозной нетерпимости и воинственности? Ведь уже существует «исламская бомба» в Пакистане. «Иудейская бомба» в Израиле. «Православная бомба» в России, созданная в Сарове, обители Серафима Саровского.

— Наша либеральная интеллигенция, пораженная в чреве своем атеизмом, предлагает разрушить все религии, заверяя нас, что «скорость света», эта константа физического мира, может описать мир духовный, мир непознаваемой тайны, перед которой бессильны любые приборы, — священник говорил, не осуждая, но прощая заблуждения режиссера. — Увы, вместо веры, разрушенной во имя гуманизма и просвещения, рождается не атеизм, а поклонение Князю мира сего. И этот пресловутый Люден есть не кто иной, как воцарившийся Сатана, к которому придут поклониться все изнуренные, потерявшие веру народы.

— К вам вопрос, почтенный муфтий, — Каратаев лихо повернулся на пятке и полетел к Хаснутдину, красный и едкий, как стручок перца, выросший на небесной грядке. — Многие ставят под сомнение веротерпимость ислама. Не секрет, что в мире протекают кровавые исламские революции. Наш Кавказ дымится от взрывов. И террористы взрывают себя в московском метро с именем Аллаха на устах.

Муфтий Хаснутдин, плотный, туго затянутый в зеленый халат, в белой, круто навороченной чалме, с маленькой бородкой и усиками, вначале сонно прикрыл свои желтоватые веки, а потом резко приподнял, — и яростно загорелись его вишневые выпуклые глаза.

— Именем Всевышнего всемилостивого и милосердного. Ислам — это мир. В Коране, в каждой суре, в каждом аяте вы найдете проповедь мира, взыскание справедливости. Всевышний требует от мусульманина любви и смирения. А тот, кто убивает и взрывает именем Аллаха, тот богохульник, а не мусульманин. Достоин он наказания земного и небесного.

Ведущий Семен Каратаев, как танцор-конькобежец, покатился в серебряном блеске. Замер. Пошел, осторожно переставляя ноги, как канатоходец, балансирующий на тугой струне. Его перст протянулся к раввину Исааку Карулевичу, впрыскивая в темноту пучок голубых лучей. Раввин изогнулся, горбя худую спину, вжимая в плечи маленькую бородатую голову в кипе.

— А вы, достопочтенный рабе, верите в веротерпимость нашего общества? Ведь рост антисемитизма и ксенофобии налицо. И Святейшему Патриарху еще далеко до Папы Римского, который снял с евреев вину за распятие Христа.

— Еврейский народ за свою историю вынес столько гонений, что нет другого такого народа, кто больше нашего хотел бы мира. Я видел спектакль нашего гения Самуила Яковлевича Полончика. Особенно поразила сцена, когда Моисей получает от Бога скрижали и находит на них формулу Эйнштейна: «Энергия равна массе, умноженной на скорость света в квадрате». Это и есть формулы истинного единобожия! — только теперь раввин умолк.

Ведущий Семен Каратаев был похож на красного беса, который перескакивал с планеты на планету, внося дисгармонию в стройный ход светил. Теперь он подлетел к префекту округа Игорю Федоровичу Нательному. Крупный, мягкий, раздобревший в уютных кабинетах, префект благодушно наблюдал за Каратаевым. Тот выделывал перед ним дьявольские коленца, развевая плащ, под которым чудился поросший красной шерстью хвост.

— А все ли благополучно в вашем округе с межнациональными отношениями, любезный Игорь Федорович? Ведь на прошлой неделе в кафе «Эльдорадо» состоялась схватка между дагестанцами и москвичами, которая кончилась стрельбой и дырками в мужественных русских и кавказских телах. Где гарантия, что в центре Москвы не случится злосчастная Кондопога?

— Дорогой Семен, — по-отечески мягко, с легкой укоризной ответил префект. — Всегда возможны конфликты между молодыми людьми. Но это единичный случай, поверьте. Мы уделяем особое внимание тому, чтобы коренные москвичи и представители диаспор жили в нашем округе в мире и согласии. Не случайно почти рядом возвышаются у нас православный храм, мечеть и синагога. Я сам в дни больших религиозных праздников прихожу в церковь со свечей, или стою в синагоге в кипе, или присутствую на пятничной молитве в мечети.

Вдруг Сержу показалось, что непроглядная тьма наполнила студию. Умолкла музыка, и возникло ощущение глухой безвоздушной пустоты. И в этой тьме цветной аппликацией на темном бархате появился китаец. Он парил в вышине, голый по пояс, в малиновой по бедрам повязке, с рельефными глянцевиными мускулами. Кривые ноги в кроссовках, на запястьях браслет, в кулаке двухременная плетка на красной деревянной рукоятке. Он улыбался, топоришил кошачьи усики, губы его шевелились, по движению губ Серж угадал слова: «Холосая каспадина, как позиваеся?»

Китаец танцевал в пустоте, он был явлением космоса, порождением возбужденной фантазии, наваждением наркотического разума. Сделав несколько танцевальных движений, он исчез. Сержу показалось, что он почувствовал едкий запах муравьиного спирта.

Несколько секунда была полная тьма. Потом зажглись все планеты и луны, грянула музыка. Ведущий Семен Каратаев воздел руки и патетически возгласил: